

канатацыі, што таксама дазволіць рэалізаваць вучэбны патэнцыял манаграфіі.

Важным і неабходным уяўляецца, на нашу думку, разгляд у рабоце пытанняў гісторыі лексікаграфіі, непарыўна звязанай з гісторыяй грамадскага і культурнага развіцця таго народа, якім яна створана і якому належыць. Аўтар манаграфіі падрабязна расказвае аб стварэнні слоўнікаў на славянскіх землях, аб лексікаграфічнай працы на Беларусі, пачынаючы з глосаў Францыска Скарыны. У рабоце аналізуюцца найбольш значныя, на думку даследчыцы, тлумачальныя, дыялектныя, тэрміналагічныя, перакладныя і іншыя лексікаграфічныя выданні. Асноўная ўвага ўдзяляецца слоўнікам, створаным у 1920-х гг.

Лексічны патэнцыял беларускай мовы ў лексікаграфічных крыніцах XX ст. акрэсліваецца ў асобным параграфу праз аналіз адлюстравання дыферэнцыяцыі агентыўных назваў, або назваў асоб паводле дзейнасці. Аўтар традыцыйна падае дыферэнцыяцыю назваў асоб у залежнасці: а) ад актыўнасці ўжывання; б) наяўнасці размоўнага кампанента (стылістычнай афарбоўкі); в) тэрытарыяльнага пашырэння (сферы выкарыстання). Ілюстрацыйны кампанент даследавання А. В. Губкінай змяшчае матэрыял аб лексічных адзінках, які будзе карысным не толькі для лінгвістаў, але і для ўсіх тых, хто цікавіцца мовай. Аўтар падрабязна акрэслівае дыферэнцыйную характарыстыку назваў у розных слоўніках. Прааналізаваны матэрыял дазваляе зрабіць вывад аб тым, што адна і тая ж назва можа мець у розных слоўніках розныя паметы паводле сферы выкарыстання, стылістычнай афарбоўкі, актыўнасці ўжывання (напрыклад, *вайсковец*, *дарадца*, *крамнік*, *ратай* і інш.). На думку аўтара, непаслядоўнасць падачы памет у

розных слоўніках, з аднаго боку, сведчыць пра незавершанасць працэсу фарміравання стылістычных пластоў лексікі, з другога – паказвае на незбалансаванасць і разнабой у лексікаграфічнай працы. Дыферэнцыяцыя лексікі паводле той або іншай прыметы – натуральны працэс развіцця мовы, на які ў значнай ступені ўплываюць разнастайныя фактары, у тым ліку і экстралінгвістычныя. Таму ўключэнне ў змест работы артыкулаў вядомых мовазнаўцаў, у якіх уздымаюцца сур'ёзныя пытанні фарміравання і выкарыстання лексікі беларускай мовы (на матэрыяле ТСБМ), будзе карысным не толькі пры вывучэнні студэнтамі ўстаноў вышэйшай адукацыі раздзела «Лексікалогія» курса «Сучасная беларуская літаратурная мова», але і пры вывучэнні дысцыпліны «Гісторыя беларускай мовы».

Праца А. В. Губкінай «Лексікалогія і лексікаграфія беларускай мовы XX ст.: сацыялінгвістычны аспект» дае ўяўленне пра гісторыю лексікалогіі і перспектывы вывучэння лексікі, пра сацыялінгвістычную дыферэнцыяцыю беларускай лексікі, пра некаторыя гістарычныя аспекты беларускай лексікаграфіі і адлюстраванне дыферэнцыяцыі беларускай лексікі ў слоўніках паслякастрычніцкага часу. Канкрэтныя моўныя факты, прааналізаваныя ў манаграфіі, будуць спрыяць далейшай распрацоўцы пытанняў лексікалогіі і лексікаграфіі, могуць быць выкарыстаны ў практыцы выкладання курсаў «Сучасная беларуская літаратурная мова», «Гісторыя беларускай мовы», пры чытанні спецкурсаў, пры падрыхтоўцы спецсэмінараў, курсавых і дыпломных прац па праблемах лексікалогіі і лексікаграфіі на філалагічных факультэтах вышэйшых навучальных устаноў Беларусі.

М.С. Ржавуцкая,

кафедра беларускага мовазнаўства БДПУ імя Максіма Танка

Предраг Пипер. **Лингвистичка русистика:** студије и чланци. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2012. 560 с.

Предраг Пипер. **Лингвистическая русистика:** исследования и статьи. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2012. 560 с.

В прошлом году увидела свет новая книга академика Сербской академии наук и искусств профессора Предрага Пипера «Лингвистичка русистика». Две статьи П. Пипера уже публиковались в нашей стране; см.: «Спроба сінтаксічнай тыпалогіі польскай і сербскай моў» (Паланістыка. Мінск, 2004) и «О контактоустановливающих диалогах в русском в сопоставлении с сербским» (Национально-культурный компонент в тексте и языке. Минск, 2005). В рецензируемом издании собраны исследования, написанные по-сербски и по-русски в 1977–2012 гг. Они объединены в четыре раздела: «Начала», «Сравнения», «Обзоры» и «Рецензии». В начале каждой работы приводятся сведения о первой публикации, а в конце – библиография.

Хотя в названии рецензируемого издания присутствует только русский язык, в книге анализируются и

другие славянские языки: наравне с русским – сербский, менее подробно – словенский, македонский, болгарский, польский и чешский. Большинство работ имеет сопоставительный характер и вводит читателя в широкий типологический контекст, так что книга будет, несомненно, полезна широкому кругу лингвистов.

На протяжении всей своей деятельности ученый уделяет большое внимание истории славистики. Благодаря ему лучшая в бывшей Югославии филологическая библиография – именно по лингвистической русистике (см. издания [Пипер 1984], [Пипер 1990], [Кончаревіћ, Трнавац 2004], [Вићентић, Пипер 2006]). Часть ее П. Пипер составил сам (Библиографија југословенске лингвистичке русистике: 1945–1975 (Нови Сад, 1984), Библиографија југословенске лингвистичке русистике: 1976–1985 (Нови Сад, 1990); Библиографија српске лингвистичке русистике: 1991–2000 (Нови Сад, 2006; в соавт. с Б. Вићентић); Прилози историји српске славистике. Београд, 2011), часть – его коллеги и ученики (Кончаревіћ К., Трнавац Р. Библиографија југословенске лингвистичке русистике: 1986–1991 (Нови Сад, 2004).

И в рецензируемом издании автор постарался рассказать о людях и книгах, сыгравших важную

роль в славистике. Так, первый раздел «Начала» (с. 9–24) открывается повествованием о Славянской школе (известна также под названием «Карловачка гимназија») в городке Сремски-Карловци недалеко от Белграда. Она начала работу в 1726 г. под руководством Максима Суворова, который до того служил переводчиком синода в России и согласно указу Петра I был направлен в сербские земли, чтобы помочь восстановить там систему образования. Заметим, что с этой школой косвенно связана и Беларусь: в ней использовалась «Грамматика славенская правилиное синтагма...» Мелетия Смотрицкого. Кроме того, после М. Суворова данную школу возглавлял Эммануил (Мануил, Михаил) Козачинский, который позже, в 1748–1755 гг., служил архимандритом Троицкого монастыря в Слуцке.

Как отмечает П. Пипер, «вопрос начала является... частью вопроса традиции; культурная традиция – часть культурной идентичности, культурная идентичность – часть национальной идентичности, а национальная идентичность – часть личной идентичности и сегодня, и в прошлом...<...> Поэтому все народы, дорожающие своим будущим, дорожат и своими традициями, включая традицию поддержания культурных связей с другими народами, а частью этой традиции является изучение иностранных языков» (с. 10) (перевод наш. – Н. С.).

История русистики и славистики подробнее раскрывается в третьем и четвертом разделах: в третьем (с. 391–463) помещены обзоры сопоставительных исследований русского и сербского языков, сербских грамматик русского языка и югославских исследований по морфологии русского языка. Раздел «Рецензии» (с. 467–558) дает представление о ряде знаковых изданий: «Semantische Untersuchungen zum Verbalaspekt im Russischen» В. Броя (1980), «Grammaire russe» П. Гарда (1980), «Функциональная грамматика» А. В. Бондарко (1984), «Руско-српскохрватски речник» Б. Станковича (1988), «Степени качества в современном русском языке» Ю. Л. Воротникова (1999), «Фонетика руског језика» А. Терзича (2003) и др.

Главное место в книге принадлежит второму разделу – «Сравнения» (с. 27–388), в котором собрано семнадцать статей и докладов.

Важное значение для славянской контрастивной лингвистики в целом и для сопоставления сербского и русского языков в частности имеют статьи «О сравнении грамматических структур русского и сербскохорватского языков на функциональной основе» (с. 37–66) и «Сербская и словенская грамматика в зеркале русской» (с. 79–107). В них и последующих работах мы находим и фундаментальные теоретические положения (см., например, типологию «терциум компарационис» на с. 50–54), и ряд замечательных наблюдений над конкретными языковыми единицами. Так, в частности, отмечено, что сербское союзное слово (относительное местоимение) *чији* может, в отличие от русского *чей*, относиться не только к одушевленному, но и к неодушевленному объектам (с. 302). Даны способы перевода выражений идентичности с частицей *же* на сербский язык (с. 308) и соответствия между *сав/цео/читаџ* и *весь/целый*.

Примечательно наблюдение П. Пипера о том, что в словенском языке существительные мужского

рода на *-a* (*sluga*) наряду с окончаниями женского типа (тип *žena*) приобретают и мужские (тип *študent*) (с. 88). А это напоминает ситуацию и в белорусском языке, где *тата*, *старишняя*, *гарэза* и т. п. также «дрейфуют» к мужской парадигме.

Для специалистов по словарному составу интересной будет статья «Система категориальных понятий конфронтативной лексикологии» (с. 67–78). В ней наряду с другими ценными наблюдениями автор предлагает различать несколько степеней паронимичности: 1-ю – совпадение корня; 2-ю – 1-я + принадлежность к той же части речи; 3-ю – 2-я + совпадение в префиксальной части; 4-ю – 3-я + совпадение в месте (и качестве) ударения и т. д. (с. 70).

Следует обратить внимание и на такое замечание автора: «Одной из характерных черт современной лингвистики и лингвистической славистики является все более очевидная удаленность теоретической лингвистики от дескриптивной лингвистики...» (с. 63) (перевод наш. – Н. С.). К этому предостережению, безусловно, следует прислушаться.

Во многих исследованиях профессора П. Пипера просматриваются две мощные сквозные идеи. Это, во-первых, мысль об огромном значении категории пространства в языке и, во-вторых, представление о местоимениях как транскатегориальных словах.

Следует отметить, что ученый внес большой вклад в разработку пространственной теории падежа и создал теорию семантической локализации (подробнее см. в его книге «Jezik i prostor» (Белград, 2001)). П. Пипер, в частности, установил, что «семантическая категория пространства, согласно теории семантической локализации, имеет особое значение для моделирования пространственно построенных категорий с непространственным значением, например времени, принадлежности и других категорий, потому что представляет самое яркое языковое выражение принципа языковой надкатегориальной локализации. Факт, что во многих языках предложно-падежная, префиксальная, адъективная, наречная и другие системы для выражения места и направления более развиты, чем те, которые выражают время, причину, цель, принадлежность, градуальность и т. д., а также факт, что, согласно данным частотных словарей, во многих языках слова с первичным пространственным значением составляют значительную долю самых частых слов, могли бы это подтвердить» (с. 245) (перевод наш. – Н. С.). Примером может служить и категория времени: «В системе временных значений, выражающихся именными группами, базовое противопоставление также сводится к внутренней или внешней локализации (так называемое прямое и относительное время), например *пришел вечером/ждал до вечера*, причем внешняя локализация осмысливается как локализация переднего плана (предшествующее время) или заднего плана (последующее время). В сфере временных значений представлены и значения удаления (исходной точки), приближения (конечной точки) или линии движения, которые обнаруживаются в основе многих семантических противопоставлений (ср. пространственные значения в примерах *из парка, в парк, через парк* и временные значения в примерах *с самого начала лекции, до конца лекции, в течение лекции* и т. п.)...» (с. 457–458).

Вторую крупную тему, местоимения, ученый также разрабатывал ранее (см. его книги «Zamjenički prilozi (gramatički status i semantički tipovi)» (Нови Сад, 1983) и «Заменички прилози у српскохрватском, руском и польском језику (семантичка студија)» (Белград, 1988)). И прежде, и в рецензируемом издании рассматриваются примеры вовлечения новых слов в данную часть речи, а также дейксис и анафора. По мнению исследователя, класс местоимений не отделен от других множеств четкими границами, в языке много слов с признаками парапрономинативности (с. 199). «Хотя лексемы *вместе* и *совместный* с синонимами традиционно причисляют к предлогам (*вместе*) или к прилагательным (*совместный, общий*), они по своей синтаксической функции относятся к возвратным местоименным словам, потому что всегда указывают на сложный агенс, обозначенный предложением, в котором употреблены такие слова, например: *Иван и Петр это сделали вместе. – Иван и Петар су то урадили заједно; Это их общая работа. – То је њихов заједнички рад*» (с. 270–271) (перевод наш. – Н. С.).

Из других интересных находок автора хочется обратить внимание на статью «О глаголах движения» (с. 245–253), где удачно систематизированы особенности этой группы в русском и сербском языках и сделан важный вывод о том, что одна из главных ее характеристик – антропоцентричность. Иными словами, ядерные глаголы данного класса обозначают движение именно человека, причем типичность того или иного вида перемещения для человека падает от центра к периферии.

Несколько статей представляют еще одну сферу интересов П. Пипера – взаимодействие языка и культуры. Здесь собраны некоторые результаты крупных многолетних проектов: «Коммуникативное поведение разных народов» (разрабатывалась международной группой под руководством проф. И. А. Стернина) и «Ассоциативный словарь сербского языка».

Интересны наблюдения автора о том, что «сербская коммуникация в целом в меньшей степени использует косвенные речевые акты, чем русская» (с. 371) и что «сербы чаще, чем русские, благодарят за мелкие услуги. У сербов благодарность часто выступает просто как демонстрация вежливости к собеседнику, в то время как у русских благодарность, выражаемая реже, имеет смысл именно благодарности – выражения признательности за помощь, услугу и т. д. В этом отношении сербы ближе к западной культуре, где благодарность имеет преимущественно функцию сигнала вежливости. Отметим, что и улыбка, и извинение у русских не имеют в качестве основной функции функцию вежливости» (с. 367).

Книга выпущена филологическим факультетом Белградского университета в серии «Преподавание языка и литературы», и автор отмечает, что она предназначена прежде всего для магистрантов названного факультета. Думается все же, что ее нельзя отнести к учебным изданиям, так как в ней отсутствует аппарат организации усвоения знаний: нет ни вопросов, ни заданий, ни схем, ни диаграмм, ни обобщающих разделов – перед нами ценный сборник научных трудов.

Можно с уверенностью сказать, что книга П. Пипера «Лингвистичка русистика» будет интересна и полезна не только для молодежи, но и для уже состоявшихся филологов – преподавателей и исследователей как в Сербии, так и за рубежом, причем не для одних русистов, как можно было бы заключить из названия, а вообще для славистов и специалистов по общему языкознанию. Издание содержит важные наблюдения и глубокие выводы из области грамматической и лексической семантики и контрастивной лингвистики. Написанное на основе многолетних исследований, насыщенное примерами из разных славянских языков, оно делает честь и автору, и сербской лингвистике.

Н. В. Супрунчук,

кафедра теоретического и славянского языкознания.